

DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ: ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА И ТЕНДЕНЦИИ РЕАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Л.И. Никовская, И.А. Скалабан

НИКОВСКАЯ Лариса Игоревна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Для связи с автором: nikovsky@inbox.ru; **СКАЛАБАН Ирина Анатольевна**, кандидат исторических наук, доцент Новосибирского государственного технического университета. Для связи с автором: skalaban@corp.nstu.ru

Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития. – Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43–60. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.04>

Статья поступила в редакцию: 01.08.2017. Принята к печати: 25.08.2017

Аннотация. В статье описываются новые тенденции в процессах гражданского участия, протекающие как в России, так и за рубежом, которые могут быть прочитаны как кризисные. Авторы констатируют стирание границ между социальным, гражданским и политическим участием, а также рост сетевых и индивидуализированных форм участия, преимущественно проектного и акционерного типа. В этих условиях актуально уточнение сущностных характеристик гражданского участия. По мнению авторов, оно может быть осмыслено как процессы, через которые граждане напрямую или опосредованно влияют на принятие социально значимых решений. По результатам анализа эмпирических исследований сделан вывод, что российские гражданские практики, в целом соответствуя мировым трендам, имеют свою специфику. Активность перераспределяется из политического пространства в социальное, что обусловлено сохранением асимметричной модели диалога государства с гражданским обществом, патерналистских стратегий во взаимодействии с его структурами, традиций монолога, пропаганды, манипуляций общественным мнением, что задает гражданским инициативам четкую “колею” существования.

Ключевые слова: общественное участие; социальное участие; гражданское участие; гражданское общество; многообразие практик участия; общественный диалог; доверие; качество государственного управления.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ: КРИЗИС ИЛИ РАЗВИТИЕ?

В социальных и политических науках нет, вероятно, иного понятия, которое бы так активно использовалось, но столь мало было исследовано, как “общественное участие”. Под общественным участием авторы понимают процесс вовлечения и поддержания взаимодействия субъектов общественных отношений, осуществления целенаправленных или реактивных действий по совместному достижению значимого результата. Общественное участие происходит за пределами или на границах частной сферы и сферы экономических отношений и включает в себя всю совокупность видов участия: социальное (в пространстве повседневности), гражданское и политическое. Оно может рассматриваться и как внутренне дифференцированное понятие, и как комплексное явление, где вышеперечисленные его части обладают свойствами кумулятивности и взаимной комплиментарности. Слабая операционализация этой категории при ее активной востребованности в различных сферах обще-

ственных наук способствовала самостоятельному становлению производных от нее категорий, их дифференциации по “сферному” принципу (политическое, социальное участие и т.д.).

Сложившийся в среде исследователей относительный “терминологический баланс”, отражавший институционально устойчивые практики участия общественности, в последнее время постепенно нарушается. Фиксируемое исследователями [Turner 2001; Macedo 2005; Dalton 2008] сокращение активности, осуществляемой через традиционные структуры участия как на локальном, так и на макроуровне, появление новых структур и форм общественного участия, новых акторов и новых практик позволило западным исследователям уже в начале нового тысячелетия поставить вопрос об эрозии гражданства, о кризисе демократических институтов участия. Основываясь на предлагаемых ими аргументах, можно выделить представителей умеренных и радикальных направлений. Первые делают акцент на сокращении количественных и ухудшении качественных параметров общественного участия и возможностей ассоциированной демократии. Это проявляется в том, что уменьшается число участвующих в выборах; граждане отказываются от политической информированности и участия в принятии политических решений; сокращаются долговременные организованные формы участия жителей в местных сообществах; ослабевают связи между группами самопомощи или активистскими группами на национальном уровне [Macedo 2005: 115]. Исследователи соотносят эти процессы с кризисом институтов религии и традиционной семьи, усилением социальной изоляции индивидов, сокращением личных связей в сообществе в пользу включения в интернет-среду, ослаблением солидарности межпоколенных связей вследствие усиления конкуренции за экономические ресурсы [Turner 2001: 192-193]. В совокупности позицию этой группы лучше всего сформулировал Стефан Маседо во вступительной статье к коллективной монографии “Демократия в опасности: как политические выборы подрывают участие граждан, и что мы можем с этим делать”: “Граждане участвуют в общественных делах реже, с меньшим знанием и энтузиазмом, в меньшем количестве мест и менее равномерно, чем необходимо для здоровья динамичного демократического государства” [Macedo 2005: 1]. Начавшись в начале нового века, дискуссия сторонников этого направления не ослабевает и по сей день [Theocharis, van Deth 2017].

Вторая группа исследователей связывает современный кризис участия с особенностями политики государств и международных структур. Ученые указывают на широкие возможности, которыми обладают правительства, международные финансовые институты и транснациональные корпорации для управления процессами общественного участия от микро- до макроуровня. По их мнению, вовлечение населения и стимулирование его участия в гражданской и политической сферах, развитие местных сообществ, осуществляемое часто технократическими методами, превращается, с одной стороны, в инструмент политического контроля, продвижения политических ценностей и культуры в иные общества и страны, а с другой – позволяет экономить на “операционных расходах” в системе управления на местном уровне, вовлекая население в проекты развития. Поэтому общественное участие, сохраняя угрозу проявления скрытых неравенств, маргинализации и эксклюзии отдельных групп, превращается в “тиранию участия”. Такая тирания повлечет вредные последствия для политического и экономического развития и будет препятствовать внедрению

реальных механизмов расширения прав и возможностей участия населения на основе политической методологии [Cooke, Kothari 2001; Gaventa 2004].

Впрочем, проблема кризиса общественного участия в публичной сфере признается не всеми. Сам факт такой оценки гражданских и политических процессов Дж. Александер, к примеру, определил как “дискурс упадка”. По его мнению, “оценки пессимистов неубедительны. Несмотря на сложности и неудачи в современной политической жизни, гражданская сфера расширилась и углубилась, а гражданское и политическое пространства стали более ‘социальными’” [Александер 2009: 3], поскольку социальная солидарность и вовлеченность в плотную сеть социальных взаимодействий вне политики стали сегодня важными факторами повышения шансов гражданского и политического участия индивидов. В свою очередь и социальная солидарность сегодня может быть полной только если индивид обладает способностью к гражданскому поведению [Kittilson, Dalton 2011: 640; Александер 2009: 13]. Таким образом, прочтение гражданского как “иной социальной сферы” разворачивает ученых к изучению социального и культурного гражданства [Александер 2002], а также к обратной стороне этого процесса: “огражданствлению” социального, радикализации гражданского и социального дискурса, возвращению гражданско-политического на локальный уровень [Hickey, Mohan 2005: 237].

В процессах общественного участия проявились и иные тенденции. Так, возникают качественно новые, преимущественно слабо формализованные практики участия, далекие от упорядоченной типологии организационно устойчивых форм участия, предложенных С. Вербой и Н. Наем [Verba, Nie 1972: 162]. Общественное участие все больше приобретает сетевой характер за счет внедрения новых технологий в интернет-среду, что расширяет как дальние, так и близкие контакты и взаимодействия, персонифицирует участие, способствуя росту доверия [Kraut 2002: 68] и развитию навыков критического анализа [Ho, McLeod 2008]. Виртуальная активность увеличивает вовлеченность молодого поколения в практики общественного участия, оно приобретает более самостоятельный, но менее консолидированный характер. Это делает подписание петиций, бойкотирование и другие формы протеста привлекательнее, чем отложенные формы участия, например, выборы [Dalton 2008].

Формируется широкий диапазон сложных, комплексных форм политических, гражданских или социальных действий, куда могут включаться даже политический консьюмеризм, этичное поведение, активность новых гражданских и социальных групп и добровольчество [Inglehart 1997; Шабанова 2016; Яницкий 2015].

Одно из объяснений движущим механизмам этого процесса дал Р. Инглхарт. Еще в 1990-е годы он отмечал, что с актуализацией ценностей постмодерна понижается уважение к власти, усиливается акцент на участии как самоценности и самовыражении, а не как на средстве достижения экономической и социальной безопасности. Массовая приверженность давно утвердившимся иерархическим политическим структурам размывается, общественность переходит к более автономным видам участия. Участие в выборах остается на прежнем уровне или снижается. Люди применяют все более активные и *проблемно-специфические* способы участия в политике [Inglehart 1997: 15-16], потенциал общественного участия перетекает из традиционных форм в иные.

В этих условиях возникает потребность в поиске новых оснований для концептуализации и демаркации видов участия. В противном случае все “сферные” виды участия лишаются своего предметного пространства. Но если социальное

Россия сегодня участие, формирующееся на нормах, усваиваемых индивидами еще на этапе первичной социализации, закрепляется в неформальных практиках повседневности и в доступных широкому кругу индивидов “ассоциациях жизни” [Gilchrist 2004; Newton, Giebler 2008] и сохраняет определенную устойчивость; если политическое участие прочно вписано в политическую систему, то гражданское участие, тесно связанное с изменяющимися нормами гражданства, вбирает в себя часть существенных характеристик двух указанных выше видов и имеет наибольшие основания к размыванию смыслов. Пожалуй, особенно активно на это влияет усиливающаяся в последние годы тенденция к появлению индивидуализированных или групповых форм участия, часто акционного типа, которые касаются негражданской (социальной, культурно-креативной, коммунальной и пр.) деятельности, используемой в гражданских целях.

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ КАК КАТЕГОРИЯ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ

В современной литературе общим местом стало утверждение, что гражданское участие как научная категория возникло в 1960-е годы в США на волне борьбы за гражданские права, что верно только отчасти. Впрочем, это касается и категории “политическое участие”, начало устойчивого использования которой часто связывают с работой С. Вербы и Н. Нея “Участие в Америке” [Verba, Nie 1972].

Между тем категории “политическое участие” и “социальное участие” широко использовались при осмыслении социально-экономических трансформаций американских городов уже в 1920-е годы. Р. Парк и У. Томас, стремясь найти адекватный термин для описания задач вовлечения мигрантов в среду городских сообществ, писали: “Отцы-основатели Америки определяли ситуацию в терминах участия, но последнее приняло в действительности слишком узкую форму ‘политического участия’. Сегодня ситуацию склонны определять в терминах ‘социального участия’, включая требование совершенствования социальных условий до той степени, которая позволила бы участвовать всем” [Парк, Томас 2015: 57]. Содержательно категория “социальное участие” подразумевает коллективную деятельность, горизонтальную активность людей, осуществляемую в рамках повседневной жизни и направленную на удовлетворение общественного интереса. Этот термин широко распространен в американской и чуть меньше – в европейской научной и социальной практике. В российской исследовательской среде и общественной практике он встречается реже [Дридзе 1994; Скалабан 2011; Ягодка 2015; Никовская, Якимец 2015].

Именно дихотомия социального и политического участия, наряду с активно продвигаемой концепцией “социального участия”, задавала структуру анализа общественно-политической активности американским исследователям до конца 1950-х годов. Примечательно, что в послевоенный период в США инициатива в эмпирических исследованиях по теме участия и внедрения программ по повышению социальной активности населения принадлежала государству, озабоченному массовой апатией населения, которая представлялась как угроза базовым демократическим ценностям.

Наметившееся с конца 1950-х годов постепенное замещение социального дискурса на “гражданский” и распространение термина “гражданское участие” было связано с актуализацией борьбы за гражданские права и со сменой государственного социально-политического вектора, направленного на вовлечение

населения в программы по борьбе с бедностью, модернизацию городов, здравоохранения и т.д. Мобилизация гражданской активности населения рассматривалась американским правительством не только как шаг по созданию “Великого общества всеобщего благоденствия”, но и как инструмент сдерживания активных и воинственно настроенных маргинальных групп, представителей беднейших слоев и черного населения. В этом контексте уместно обратить внимание на замечание Б. Тернера о том, что гражданство как статус, в зависимости от состояния правовых норм, может стать причиной роста классового неравенства или, наоборот, смягчить его [Turner 2001: 190].

Это существенно повлияло на вектор осмысления гражданского участия. Первый серьезный шаг в этом отношении был сделан С. Вербой в статье “Демократическое участие”: “В широком смысле демократическое участие представляет собой процессы, посредством которых граждане влияют или контролируют тех, кто принимает важные решения, затрагивающие их интересы” [Verba 1967: 54]. Верба определяет гражданское участие не только в деятельностных, но и в *потенциально деятельностных* характеристиках (возможность участия). Поэтому участие для него — это еще и ценность, и право как на участие, так и на неучастие. Его реализация возможна только в условиях респонсивности государства и государственных структур. Неслучайно интенциональность участия С. Верба считал ключевой позицией своей концепции. Он указывал на необходимость “соучастия” граждан и представителей органов власти, для чего необходимы ресурсы, мотивация, соответствующая социальная структура и культура. Если лицо, принимающее решение, автономно в своих ресурсах, то оно будет меньше поддаваться влиянию и стремиться к соучастию. Поэтому “патернализм заменяется демократией, когда правительственные лидеры не имеют выбора, кроме как реагировать на требования общественности из-за санкций за их несоблюдение” [ibid.: 62]. Верба сформулировал ключевые вопросы: кто участвует? в отношении чего? как участвует? И пришел к выводу, что если все три системных параметра участия одновременно переживают изменения — *хотят участвовать новые люди в отношении новых вопросов и по-новому* — то это влечет кризис участия и его качественные изменения [ibid.: 54-55].

Исследователи 60-х годов XX в. пытались выделить и обозначить границы гражданского участия по отношению к социальному и политическому пространству, а в последующие годы четко обозначилась тенденция постепенного вытеснения из исследуемого пространства “социального участия” и расширения за счет этого смысловых границ гражданского участия. Наглядно это продемонстрировал Р. Патнэм, заметив: “Я использую термин ‘гражданское участие’, чтобы объяснить связи с жизнью людей в их сообществах, а не только с политикой” [Putnam 1996].

Широта социально-пространственных границ гражданского участия присутствует и в российском исследовательском пространстве. Если с этих позиций оценить современные работы, то можно выделить две традиции понимания гражданского участия.

Как инструмент (совокупность механизмов) участия (включения) граждан в процессы выработки, принятия, реализации и оценки политических решений (политико-управленческий процесс), средство для согласования интересов государства и объединений гражданского общества [Какабадзе и др. 2011; Никовская, Якимец 2016].

Как механизм включения в деятельность внутри гражданского общества, добровольное проявление гражданской инициативы по изменению, улучшению или перестройке условий общественной жизни; общественная самоорганизация, в том числе и для взаимодействия с органами власти [Доманов 2010; Петухов 2012; Скалабан 2011].

Если в первом случае достаточно четко определяются границы понятия, то во втором случае это сделать сложнее, поскольку открывается проблема идентификации практик как гражданских, общественных или социальных. Многообразие практик лишь усложняет задачу, особенно на фоне постепенного “возвращения” в исследовательское пространство популярной в 1950-е годы категории “социальное участие” [Дридзе 1994; Platt 2006] и отчасти пересекающейся с ней категории “участие в сообществе” [Gilchrist 2004].

Суммируя широкий спектр современных интерпретаций гражданского участия (*civic, citizen participation*), выделим следующие основания для его понимания. Это участие лиц в различных общественных структурах и демократических институтах, деятельность которых направлена на совместную разработку сложных вопросов и достижение консенсуса в сообществе при выстраивании диалога с властью. Гражданское участие часто рассматривают как “вертикальное” (участие в партнерстве и со-управлении), как форму коллективного управления [Brodie et al. 2009: 4]. Оно тесно связано с политическим участием¹, которое рядом исследователей рассматривается как основа гражданского участия, или наоборот — гражданское участие рассматривается как содержательно родственное, но более широкое понятие относительно участия политического [Холмская 1999; Пфетцер 2012]. Исходя из этого, мы предлагаем следующее определение *гражданского участия*: это процессы, при помощи которых граждане непосредственно или опосредованно влияют на принятие органами власти решений, затрагивающих общественные интересы. Влияние может осуществляться как через включение в процессы выработки, принятия, реализации и оценки социально-политических решений на разных уровнях управления, так и через проявление гражданской позиции или инициатив, направленных на отстаивание прав, изменение ситуации, требующей принятия решений органами государственной и муниципальной власти.

В содержательном смысле концепт “гражданское участие” является важнейшей базовой характеристикой современного гражданского общества, позволяющей гражданам реализовывать свои права и отстаивать свои интересы при решении проблем на местном, региональном и федеральном уровнях. При этом важно подчеркнуть, что в гражданском участии всегда имплицитно присутствует позиционирование субъектов участия по отношению к государству и органам власти. Несмотря на то что гражданские практики не всегда направлены на государство, они всегда опосредованно связаны с ним статусом гражданства. Именно через концепт гражданства современные исследователи выводят новую

¹ Сложность выделения границ в реальных практиках участия привела к тому, что в процессе поисков индикаторов идентификации этих видов значительная часть исследователей, сосредоточенная на исследовании одного из них, непременно выходила и сегодня выходит за пределы границ конкретного вида участия. К примеру, к политическому участию исследователи относили не только участие в политических партиях и участие в жизни общины, например, участие в собраниях [Milbrath 1965], обращение к избранным или назначенным должностным лицам для выражения мнения или запроса [Uhlauer 1986], но и различные формы участия граждан в управлении, включая общественный контроль и участие в общественных объединениях [Фан 2013]. Обратив внимание на эту тенденцию, Ян ван Дет еще в 2001 г. констатировал: “Изучение политического участия превращается в изучение всего” [van Deth 2001: 3].

модель вертикального участия, когда инициатива в участии идет не “сверху вниз” и не “снизу вверх”, а встречно, на пересечении механизмов “большого голоса”, иначе говоря, с использованием прямых форм участия граждан через усиление государственного реагирования, т.е. респонсивности органов власти. Условиями успешного участия в управлении в этом случае будут сильные и эффективные институты государственного управления, развитое гражданское общество и отлаженные механизмы и институты публичной политики.

В конечном счете гражданское участие выходит на отстаивание общественных (публичных) интересов и конституирование общественных благ. При таком подходе трактовка данного концепта характеризует его как особое состояние любого социального субъекта (личность, группа, сообщество, организации, движения и пр.), которое отвечает требованиям самоорганизации и взаимопомощи, правозащиты ущемленных социальных, гражданских прав. Важно отметить, что при усложнении и диверсификации гражданской активности точкой сопряжения выступает именно отстаивание общественного блага и создание тем самым публичного резонанса.

Помимо существенных характеристик участия, гражданское участие должно обладать рядом свойств, которые присущи всем видам общественного участия как родовой, с нашей точки зрения, категории. К ним относятся добровольность², осознанность участия, социально значимая мотивация, прямая или опосредованная ориентация на референтную общественную группу, задающую норму, ценность или образец для действия, признаков идентичности.

Принятое определение позволяет концептуально различать гражданское и социальное участие, исходя именно из методологического “корня”. За гражданским участием закрепляется “вертикальное участие”, связанное с процессами соуправления (с органами власти различного уровня, а также различными институтами демократического свойства – Общественной палатой, Счетной палатой и пр.) и принятия решений, направленных на коррекцию или разработку альтернатив с точки зрения общественных интересов, а социальное участие локализуется на горизонтальном уровне как практика коллективной взаимопомощи и кооперации.

Все это определяет и главные функции гражданского участия: оно позволяет вовлечь сообщество в решение социальных проблем; обеспечить общественный контроль за принятием и реализацией решений государственной и муниципальной власти; содействовать росту социальной сплоченности и социальной идентичности членов сообщества; повысить удовлетворенность населения от эффективных социально-политических решений и, наконец, оно оказывает влияние на личностное развитие индивидов, рост их социальной и гражданской компетентности и активности.

Среди основных причин вовлечения населения в гражданскую активность можно выделить большое количество нерешенных проблем (в социальной, экономической, культурной, образовательной и иных сферах общественной жизнедеятельности), а также необходимость самореализации и осуществления общественно полезной деятельности, направленной на достижение как индивидуальных, так и общих целей.

² Отметим, что добровольность и интенциональность (С. Верба) – это не одно и то же. Интенциональность – направленность на что-то, а добровольность – осознанный самостоятельный выбор действий интенционального характера. Быть вовлеченными в направленные действия можно и неосознанно, и вынужденно (вовлеченным в действия толпы, участвовать, боясь санкций).

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ В РОССИИ

Указанные тенденции изменения гражданского участия носят скорее универсальный для современных развитых демократических обществ характер, в то время как можно обозначить и российскую специфику. В связи с возросшим вниманием государства к политике идентичности с начала 2000-х годов постепенно усилились гражданские организации, заинтересованные в консолидации российского общества, включая укрепление национальной памяти. Ряд исследователей отмечает, что государство перестает быть единственным заинтересованным субъектом сохранения гражданской идентичности, уступая место институтам гражданского общества, частным и локальным акторам публичной политики [Ягодка 2016; Евстифеев 2015; Никовская 2017].

Современная модель общественного участия гораздо сложнее, нежели простое механическое объединение его традиционных сфер – социальной, гражданской и политической. Значимыми основаниями его типологизации выступают видовые, структурные и атрибутивные свойства [Скалабан 2017]. В качестве главных можно выделить: *давление* – способность оказывать давление на власть или определенную институциональную структуру с помощью гражданского или политического акционного действия (протеста); *влияние* – способность мобилизовывать общественное мнение, создавать публичный резонанс, формировать и реализовывать общественный контроль; *свойство принадлежности* – членство в партийных и иных формализованных общественных объединениях и организациях, длительное и ассоциированное; *свойство социальной помощи и кооперации* – взаимоподдержка волонтерством, соседскими связями, благотворительностью.

50 Результаты эмпирических исследований показали³, что для современного общественного и гражданского участия в России характерны более высокие значения участия населения в “коротких” и акционных практиках и низкие значения практик, требующих длительной деятельности формализованного и неформализованного типа, а также массовых практик политического и гражданского риска, что соответствует современным мировым характеристикам постмодернистского проекта [Скалабан 2017].

Об этом же говорят исследования так наз. *движений одной проблемы* (на основе метода *case study*), достаточно известных в публичном пространстве: “Движение в защиту Химкинского леса”, “Движение против строительства МСЗ в Ясенево” и пр., в деятельности которых ярко выражена правозащитная и протестная составляющая. После решения главной, запустившей их деятельность социально значимой проблемы, они переходят в “спящее состояние” либо переключают внимание на решение смежных вопросов, используя уже наработанные социальные связи, публичный капитал и механизмы гражданского взаимодействия [Ягодка 2015].

³ Исследование “Оценка эффективности органов исполнительной власти Красноярского края” (сентябрь-октябрь 2014 г.) включало расчет диапазона и частоты использования населением форм общественного участия на основе анализа данных формализованного интервью (поквартирный опрос); объем выборки – 1800 чел. от 18 и старше, квота по полу и возрасту в 11 городах и 13 муниципальных районах Красноярского края. Исследование ИС РАН “Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия” (март 2014 г.); массовый опрос населения РФ. Объем выборки 1600 чел., репрезентирующей взрослое население страны по параметрам пола, возраста, образования и типа населенного пункта проживания. Качественное исследование “Оценка эффективности деятельности органов государственной власти Новосибирской области по развитию институтов гражданского общества” (N=120 экспертов, февраль 2012 г.).

Особой проблемой развития современного гражданского участия становится снижение его политической составляющей. Гражданская активность россиян в этом отношении носит эпизодический и несистемный характер. Политический уровень во многом остается закрытым для гражданских инициатив и строго контролируется представителями власти [Колесников, Волков 2016].

Согласно ежегодным Докладам о состоянии гражданского общества РФ [Доклад... 2010], с 2010 г. наметилась тенденция изменения вектора гражданской активности от политических партий в сторону неполитических общественных объединений. Это было обусловлено снижением эффективности функционирования государственных и муниципальных органов на местах, ответственных за четкую и бесперебойную систему жизнеобеспечения, желанием активистов использовать имеющийся потенциал управленческих и гражданских структур на местном уровне. Таким образом, важной особенностью гражданского участия стало сокращение доли его политически ориентированной составляющей (ограниченное пространство для участия) и перенесение основной силы тяжести на социальную кооперацию и взаимопомощь (открытое пространство для участия). В него вовлечено более 60% респондентов по данным Центра исследований гражданского общества и НКО НИУ ВШЭ [Индикаторы развития... 2016]. Это подтверждается результатами исследований гражданского активизма группой В.В. Петухова (ИС РАН) в 2014 г.: нарастает модальность более активного отношения к социальным основам своей жизни у молодого и более образованного, обеспеченного сегмента российского общества, у жителей крупных мегаполисов и областных городов [Петухов 2014: 11]. Перспективными направлениями гражданского участия населения считаются здравоохранение, образование, активная старость, адаптация социально уязвимых групп населения и др., т.е. практически вся социальная сфера жизни общества. Многие выделили сферы, выходящие за рамки частных интересов: защиту окружающей среды, права человека, благотворительность. Формируется такой вид гражданского участия, который можно смело охарактеризовать как *социально-гражданский*: ключевым аспектом демократической “повестки дня” для активистов становится проблема структурирования гражданского общества таким образом, чтобы оно могло влиять на государство, на равных взаимодействовать с ним.

Современная модель гражданского участия предполагает создание подлинно демократического порядка, который не может быть лишь результатом живого творчества масс “снизу”, а нацелен на различные формы общественно-государственного управления.

Полученные российскими социологами данные совпадают с выводами европейских исследователей⁴, характеризующих социальное участие как наиболее распространенный и устойчивый вид общественных практик в пространстве повседневности, существенно влияющий на расширение границ гражданского участия [Newton, Giebler 2008].

Интенсивность участия, как показали российские исследования, определяется не только сферой, но и дистанцией участвующего. Если соседям и знакомым помогало более 66% респондентов, то только 34,3% участвовали

⁴ Европейское социальное обследование (ESS) – 1 волна (2002/2003 гг.) содержит сравнительную информацию 22 стран по социальному, гражданскому и политическому участию. См. Европейское социальное обследование в России. Доступ: <http://www.ess-ru.ru/> (проверено 04.10.2017).

в благотворительных действиях в отношении незнакомых, т.е. дальних получателей социальной помощи [Градосельская, Петренко 2008]. Согласно данным ФОМ [Петренко, Галицкая, Галицкий 2011] на ближней социальной дистанции россияне склонны доверять и помогать друг другу. А вот доверие к большинству окружающих незнакомых людей (социальное доверие) у нас невелико. Благотворительные денежные пожертвования большинство россиян предпочитают делать максимально адресно. По результатам многолетних исследований можно сделать вывод, что дальнейшее развитие гражданского участия связано с преодолением системного кризиса доверия.

Еще одна важная особенность структуры современного гражданского участия – его проектно-сетевой характер. Оно стремительно осваивает новые пространства, опираясь на подключение сетевых сообществ и новых коммуникативных технологий. Появление виртуального общественного участия позволяет в одностороннем порядке моделировать пространство участия за счет накопленного многообразия структур участия – от иерархичных сетевых до горизонтальных сетевых [Кастельс 2001]. При этом сетевым структурам свойственна слабость контроля за участниками при одновременном расширении возможностей общественного участия – от индивидуального до глобального.

В России можно выделить четыре основные группы интерактивных интернет-площадок для формирования массовых гражданских инициатив и решения социально значимых проблем в публичной сфере. *Работа с обращениями граждан*: проекты из данной группы привлекают внимание органов власти к проблемам, относящимся к компетенции властей (плохие дороги, коррупция, проблемы в сфере ЖКХ и др.)⁵. *Краудфандинговые платформы и сервисы* собирают средства на различные цели – помощь пострадавшим от стихийных бедствий, благотворительная помощь детям, инвалидам, старикам, поддержка общественных и политических движений, финансирование бизнес-проектов, музыкантов, артистов, писателей, создание социальной и городской инфраструктуры и др.⁶ *Волонтерские сервисы* создаются для координации деятельности волонтеров и создания интерактивных карт помощи⁷. *Группы по обмену мнениями граждан* – площадки и сервисы, направленные на интерактивный сбор мнений граждан по тем или иным вопросам, а также предоставляющие

⁵ Сюда входят: проект “Дороги России” (<http://dorogirussia.ru?>); проект “РосЯма” (<http://rosyama.ru/>); “Фонд борьбы с коррупцией” (<https://fbk.info/>); проект “РосЖКХ” (<http://roszhk.ru/>); открытая интернет-площадка “Моя территория” (<http://www.streetjournal.org>); проект “Сердитый гражданин” (<https://www.angrycitizen.ru>), “Красивый Петербург” (<http://красивыйпетербург.рф/about>) и ряд других проектов.

⁶ Примеры: платформа “Планета” (<https://planeta.ru/>) запущена 7 июня 2012 г.; *гражданская инициатива “Дедморозим”* (<http://dedmorozim.ru/>), созданная в Пермском крае для организации помощи детям, оставшимся без попечения родителей; платформа “С миру по нитке” (<http://smipon.ru/>), созданная для совместного финансирования креативных проектов в бизнесе, образовании, творчестве и экологии.

⁷ Примеры: *общественный проект “ЛизаАлерт”* (<http://lizaalert.org>) был создан в 2010 г. для поиска Лизы Фомкиной, пропавшей в районе Орехово-Зуево (теперь координирует деятельность многих поисково-добровольческих отрядов); *открытая платформа “Ушахида”*, созданная для сбора и обобщения больших объемов информации, визуализации полученных данных и создания интерактивных карт помощи. Электронный ресурс работает с разными мессенджерами и средствами передачи информации: *SMS, MMS, WhatsApp, Twitter* и др. Таким образом создаются интерактивные карты с указанием различных ориентиров на местности. Во время пожаров в России в 2010 г. данная площадка сыграла важную роль в координации деятельности волонтеров и помощи пострадавшим от огня. *Проект “Российские пожары”* (<http://russian-fires.ru/>), призванный помогать всем гражданам России, которых коснулись лесные пожары. *Оренбургский проект “Добро 56.рф”* (<http://dobro56.ru>), привлекающий жителей города к добровольческой деятельности.

возможности для обсуждений актуальных вопросов социально-политической повестки дня⁸.

Несмотря на широкое распространение социальных сетей в обществе, государством не закреплена их официальный юридический статус как полноправных площадок для формулирования и транслирования гражданских инициатив во властные структуры. Государство, несомненно, прислушивается к мнению “сети”, но оно не обязано реагировать на гражданские инициативы, организуемые в социальных сетях. Именно поэтому сформировался общественный запрос на создание официальной платформы для озвучивания общественных инициатив и организации голосования в их поддержку. Одной из подобных официальных площадок стал созданный в 2012 г. портал “Российская общественная инициатива”, который на сегодняшний день представляет одну из наиболее перспективных площадок для политического краудсорсинга в России.

Четко верифицируемые проблемные узлы в развитии гражданского участия в современной России можно обозначить следующим образом: несовершенство институциональных условий (административные и бюрократические барьеры) и слабое использование диалоговых механизмов и практик взаимодействия с государством. Последнее, официально признавая необходимость развития общественного диалога и укрепления институтов гражданского общества, часто использует коммуникации, основанные на традиции монолога, пропаганды, манипуляции общественным мнением. Такого рода модель асимметричной коммуникации, где государство доминирует, а слабое гражданское общество действует в узком анклавном обозначенных границ публичного дискурса, подавляет гражданскую инициативу, порождает отчуждение, общественную апатию и разочарование. Сбой в работе механизма обратной связи лишает власть респонсивности, делает ее ригидной, инертной, косной, далеко не всегда способной к своевременному реагированию на импульсы, сигналы и запросы, исходящие от активных граждан и их организаций [Зайцев 2014: 145]. Следует отметить, что среди несостоятельных, как показали исследования, оказался и диалоговый механизм защиты, отстаивания и продвижения общественных (публичных) интересов, что крайне важно для успеха развития гражданского участия [Никовская, Якимец 2016]. Также остро стоит вопрос о повышении уровня ответственности и гражданской компетентности самих активистов, чтобы представлять независимую экспертную оценку и контроль деятельности органов власти. Чиновничество не готово к постоянному и равноправному диалогу с партнерами, которые пытаются войти в круг общественных консультаций. Формирование государственной и региональной политики оно по-прежнему рассматривает как составную часть своих прерогатив. Участие общественных сил воспринимается как покушение на суверенную территорию исполнительной власти. Проблему представляет также и слабость позитивного восприятия деятельности сектора НКО и гражданских инициатив в органах власти и в самом обществе, недостаточная рационализация использования ими имеющихся ресурсов в целях эффективной реализации социально значимых проектов.

⁸ Примеры: система общественного обсуждения законопроектов “*Вече*” при Госдуме РФ (<http://veche.duma.gov.ru/>), системы общественного обсуждения законопроектов при Правительстве РФ и министерствах, группы в социальных сетях “*ВКонтакте*”, *Facebook* и различных профессиональных сообществах.

Обобщая, можно отметить, что в целом гражданское участие в России находится в мейнстриме тех же процессов, что происходят и в мировой практике. Прежде всего, увеличивается качественное разнообразие практик общественного участия, они взаимопереплетаются и перетекают друг в друга (социальное “подпитывает” и проникает в гражданское и наоборот и т.д.); они формируются преимущественно в виде “коротких” проектов с опорой на приоритет практик “действия-акции”, а не практик “отношений”; возникают социальные группы, ориентированные на общественно-политическое участие и способные к его результативному осуществлению. Однако имеющиеся институциональные условия, слабая актуальность среди населения гражданских практик и их идентификация, сохранение и актуализация политики патернализма, особенно в условиях кризиса, затрудняют эти процессы, возвращая общественное участие к логике мобилизационного проекта.

Несмотря на некоторое охлаждение россиян к идее демократии и снижение уровня политического и общественного участия [Петухов 2014: 18], гражданское участие все же постепенно становится реальным фактом жизни нашего общества. Сформировано ядро активистов, есть обширный слой граждан, интересующихся общественной и политической жизнью, готовых оказать поддержку различным движениям и течениям. Каждый десятый житель страны практикует деятельные формы политического участия, около трети – участники неполитических общественных организаций и объединений. Между политической и неполитической составляющей гражданского активизма существует тесная связь [Российское общество... 2015: 100].

54 Современный российский гражданский активизм имеет потенциал роста прежде всего потому, что основные его источники – социально “продвинутые”, успешные мобильные группы. Главные черты его социального портрета – молодость, хорошее образование, высокое социальное положение, урбанизм, интеллектуальная профессиональная занятость.

Российское общество, безусловно, становится более сложным. Как следствие современный ландшафт общественного и, соответственно, гражданского участия характеризуется мозаичностью, параллельным существованием в одном социальном и территориальном пространстве традиционных и новых структур и культур участия.

Социокультурные сдвиги общества постмодерна отличаются “уточнением” социальной ткани, нарастанием хрупкости и многообразия социальных связей и отношений, их “виртуализацией”. Гражданское участие во всем многообразии проявления своих практик и технологий, дополняя систему электорального участия “демократией соучастия”, по сути пытается встроить максимальное количество социальных интересов и позиций в процессы выработки и реализации государственной политики и формирования модели “соуправления” в условиях современного общества. В этом аспекте многочисленные общественные ассоциации предъявляют особый запрос к качеству госуправления, неумолимо подталкивая его к полноценной реализации принципов “good governance”. В определенной степени они выступают в качестве индикатора формирующейся новой природы власти в сложном сетевом обществе, которая должна быть не *администратором*, а скорее *координатором* общественных взаимодействий.

Власть часто относится подозрительно к гражданскому участию как ресурсу перемен, отказывая ему в праве на субъектность. Она не просто пытается

контролировать каналы общественного и гражданского участия и процессы социально-политической самоорганизации, но часто выступает их заказчиком, инициатором и организатором (используя практики “выделенного пространства”, “приглашения в проект”). А между тем гражданское участие, представляя серьезный ресурс развития общества, есть социальный институт, обеспечивающий управляемость обществом на уровне самоорганизации за счет преодоления антагонизма власти и общества. Неспособность государства в целом и чиновничества, в частности, воспользоваться гражданской активностью людей, игнорирование ими гражданственности неоднократно приводили к кризису управляемости в истории российского общества, включая современный период.

Стимулирование гражданского участия предполагает целенаправленную и системную деятельность по включению индивидов и их групп в процесс общественного участия и причает двигаться от эгопартикуляризма к выявлению основ общественного блага и общих интересов совместно с государством. Это требует, в свою очередь, всемерного развития публичной политики и такого ее важного института, как общественный диалог. Таким образом, гражданское участие содействует социальной справедливости, росту эффективности государственных и общественных услуг, созданию общества уверенных в себе и защищенных граждан, выражению активной гражданской позиции. Развитое и многообразное по формам гражданское участие должно и может быть, как показывает мировой опыт, важнейшим ресурсом устойчивого развития общества.

Александр Дж. 2002. Прочные утопии и гражданский ремонт. — *Социологические исследования*. № 10. С. 3-11.

Александр Дж. 2009. Власть, политика и гражданская сфера. — *Социологические исследования*. № 10. С. 3-17.

Градосельская Г.В., Петренко Е.С. 2008. Российское гражданское общество: реконструкция по результатам крупномасштабных опросов. — *Гражданское общество современной России*. Отв. ред. Е.С. Петренко. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”. С. 80-81.

Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2010 год. 2010. М.: Общественная палата РФ. 124 с.

Доманов В.Г. 2010. Гражданское соучастие. — *Политология. Словарь*. Под ред. В.Н. Коновалова. М.: РГУ.

Дридзе Т.М. 1994. Местное население как субъект социального участия: проблемы социально приемлемой региональной политики. — *Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы*. Москва: Наука. С. 188-208.

Евстифеев Р.В. 2015. Локальные аналитические сообщества как ресурс развития местных сообществ: кейс города Владимира. — *Новая экономика и региональная наука*. № 1. С. 61-67.

Зайцев А.В. 2014. Диалог в институциональном дизайне публичной политики современной России: сравнительный подход. — *Взаимодействие власти и гражданского общества в контексте трансформации российского общества: от конфронтации к партнерству: монография*. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т. С. 145-166.

Индикаторы развития гражданского общества в России: результаты 10 лет наблюдения. 2016. — *Информационно-аналитический Бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора*. Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. Июнь № 1(9). С. 6-11.

Какабадзе Ш.Ш., Зайцев Д.Г., Звягина Н.А., Карастелев В.Е. 2011. Институт гражданского участия: проверка деятельностью субъектов. — *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 88-108. Доступ: <http://www.politstudies.ru/article/4420> (проверено 22.09.2017)

Кастельс М. 2001. *Информационная эпоха: экономика, общество, культура*. М.: ГУ ВШЭ. 608 с.

Колесников А., Волоков Д. 2016. *Самоорганизация гражданского общества в Москве*. Доступ: <http://carnegie.ru/2016/12/14/ru-pub-66437> (проверено 10.10.2017).

Никовская Л.И. 2017. Роль гражданского общества в формировании гражданской идентичности и консолидации российского общества: политико-управленческий аспект. — *Вестник Воронежского Университета. Серия: История. Политология. Социология*. № 4. С. 28-39.

Никовская Л.И., Якимец В.Н. 2015. Формирование и отстаивание общественных интересов в России: от “административной” к партнерской модели. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 49-63. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.05>

Никовская Л.И., Якимец В.Н. 2016. Институциональное развитие межсекторного партнерства в России. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 37-48. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.04>

Парк Р. 2015. Участие и социальная ассимиляция. — *Чикагская школа социологии*. Москва: ИНИОН РАН. С. 52–59.

Петренко Е.С., Галицкая Е.Г., Галицкий Е.Б. 2011. *Диагностика гражданского климата российских регионов*. Москва: ФОМ. Доступ: <https://www.hse.ru/data/2011/04/11/1210529570/Петренко.pdf> (проверено 10.10. 2017).

Петухов В.В. 2012. Гражданское общество и гражданское участие. — *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 1 (107). С. 23-26. Доступ: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2012/107/2012_107_3_Petuhov.pdf (проверено 22.09.2017).

Петухов В.В. 2014. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия. — *Власть*. № 9. С. 11-19.

Пфетцер С.А. 2013. Теоретико-методологические основания анализа проблемы политического участия. — *Вестник Кемеровского государственного университета*. № 3 (55). Т. 1. С. 103-110.

Российское общество и вызовы времени. Книга первая. 2015. Под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. М.: Весь Мир. 336 с.

Скалабан И.А. 2011. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий. — *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 1. С. 130-139. Доступ: http://journals.tsu.ru/philosophy/en/&journal_page=archive&id=518&article_id=25309 (проверено 04.10.2017).

Скалабан И.А. 2017. *Общественное участие в современной России: особенности социального конструирования*. Доклад на заседании секции N “Местное самоуправление и гражданская самоорганизация” XVIII Апрельской международной конференции НИУ-ВШЭ-2017. Доступ: <https://conf.hse.ru/2017/program#N> (проверено 22.09.2017).

Фан И.Б. 2013. Политическое участие в России: исключение “под прикрытием” включения. — *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. Том 13. Вып. 1. С. 67-82.

Холмская М.Р. 1999. Политическое участие как объект исследования. Обзор отечественной литературы. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 170-176.

Шабанова М.А. 2016. О социальном механизме становления новых потребительских практик в России. — *Социологические исследования*. № 12. С. 14-22. Доступ: <http://socs.isras.ru/en/article/6469> (проверено 04.10.2017).

Ягодка Н.Н. 2015. Гражданские инициативы как инструмент диалога между властью и гражданским обществом в России. — *Вестник РУДН. Серия: Политология*. №. 4. С. 118-130. Доступ: <http://journals.rudn.ru/political-science/article/view/9159> (accessed 04.10.2017).

Ягодка Н.Н. 2016. Роль некоммерческих организаций и гражданских инициатив в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне. — *Социологическая наука и социальная практика*. № 1. С. 93-101.

Яницкий О.Н. 2015. Общественный активизм в России: вчера и сегодня. — *Власть*. № 2. С. 53-60.

Brodie E., Cowling E., Nissen N., Paine A.E., Jochum V., Warburton D. 2009. Understanding Participation. — *A literature Review*. 2010. December. URL: <http://pathwaysthroughparticipation.org.uk/wp-content/uploads/2009/09/Pathways-literature-review-final-version.pdf> (accessed 22.09.2017).

Cooke B., Kothari U. 2001. The Case for Participation as Tyranny. — *Participation: the New Tyranny?* Ed. by B. Cooke, U. Kothari. L.: Zed Books. P. 1-15.

Dalton R.J. 2008. Citizenship Norms and the Expansion of Political Participation. — *Political Studies*. Vol. 56. P. 76-98. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2007.00718.x>

Gaventa J. 2004. Towards Participatory Local Governance: Assessing the Transformative Possibilities. — *Participation: From Tyranny to Transformation*. Ed. by S. Hickey, G. Mohan. L.: Zed Books. P. 25-41.

Gilchrist A. 2004. *The Well Connected Community: a Networking Approach to Community Development*. Bristol: Policy Press. 248 p.

Hickey S., Mohan G. 2005. Relocating Participation within a Radical Politics of Development. — *Development and Change*. Vol. 36. No. 2. P. 237-262. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0012-155X.2005.00410.x>

Ho S., McLeod D. 2008. Social-Psychological Influences on Opinion Expression in Face-to Face and Computer-Mediated Communication. — *Communication Research*. Vol. 35. No. 2. P. 190-207. DOI: <https://doi.org/10.1177/0093650207313159>

Ingelhart R. 1997. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 464 p.

Kittilson M., Dalton R. 2011. Virtual Civil society: The New Frontier of Social Capital? — *Political Behavior*. Vol. 33. No. 1. P. 625-644. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11109-010-9143-8>

Kraut R. et al. 2002. Internet Paradox Revisited. — *Journal of Social Issues*. Vol. 58. No. 1. P. 49-74. DOI: <https://doi.org/10.1111/1540-4560.00248>

Macedo S. 2005. *Democracy at Risk: How Political Choices Undermine Citizen Participation, and What We Can Do About It*. Washington, DC: Brookings Institution Press. 240 p.

Milbrath L.W. 1965. *Political Participation: How and Why do People Get Involved in Politics?* Chicago: Rand McNally & Company. 195 p.

Newton K., Giebler H. 2008. Patterns of Participation: Political and Social Participation in 22 Nations. Berlin. 45 p. (WZB. Discussion Paper; SP IV 2008–201).

Platt L. 2006. *Social Participation: How Does It Vary with Illness, Caring and Ethnic Group?* Colchester: Institute for Social and Economic Research, University of Essex. (ISER Working Paper; 2006-18).

Putnam R.D. 1996. The Strange Disappearance of Civic America. — *The American Prospect*. No. 24. URL: <http://prospect.org/article/strange-disappearance-civic-america> (accessed 12.09.2017).

Theocharis Y., van Deth J.W. 2017. *Political Participation in a Changing World: Conceptual and Empirical Challenges in the Study of Citizen Engagement*. NY: Routledge. 140 p.

Turner B.S. 2001. The Erosion of Citizenship. — *British Journal of Sociology*. Vol. 52. No. 2. P. 189-209. DOI: <https://doi.org/10.1080/00071310120044944>

Uhlaner C.J. 1986. Political Participation, Rational Actors, and Rationality: A New Approach. — *Political Psychology*. Vol. 7. No. 3. P. 551-573.

van Deth J.W. 2001. Studying Political Participation: Towards a Theory of Everything? — Paper at the Joint Sessions of Workshops of the European Consortium for Political Research, Grenoble, 6-11. URL: <https://www.researchgate.net/publication/258239977>

Verba S., Nie N. 1972. *Participation in America: Political Democracy and Social Equality*. New York: Harper and Row. 428 p.

Verba S. 1967. Democratic Participation. — *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 73. No. 1. P. 53-78. DOI: <https://doi.org/10.1177/000271626737300103>

DOI: [10.17976/jpps/2017.06.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.04)

CIVIC PARTICIPATION: FEATURES OF DISCOURSE AND ACTUAL TRENDS OF DEVELOPMENT

L.I. Nikovskaya¹, I.A. Skalaban²

¹*Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia*

²*Novosibirsk State Technical University. Novosibirsk, Russia*

NIKOVSKAYA Larissa Igorevna, Dr. Sci. (Soc.), Principal Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. Email: nikovskiy@inbox.ru; SKALABAN Irina Anatolyevna, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Novosibirsk State Technical University. Email: skalaban@corp.nstu.ru

Nikovskaya L.I., Skalaban I.A. Civic Participation: Features of Discourse and Actual Trends of Development. — Polis. Political Studies. 2017. No. 6. P. 43-60. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.04>

58

Received: 01.08.2017. Accepted: 25.08.2017

Abstract. The article presents the conceptualization of new trends in the processes of civic participation both in Russia and abroad, which can be considered as sign of a crisis. It is shown that the processes of participation in the public sphere are characterized by a blurring of the boundaries between social, civic and political participation, the growth of the network and individualized forms of participation, primarily promotional design and type. In these conditions, relevant is the refinement of the essential characteristics of civic participation. According to the authors, it can be comprehended as the process through which citizens directly or indirectly affect the adoption of socially significant decisions affecting the public interest. On the basis of analysis of empirical studies, the authors conclude that the development of Russian civic practices lies, in general, within the international trends. These practices have their own specifics. For instance, they are characterized by a redistribution of the centre of gravity from the political to the social space, due to the decrease in the efficiency of functioning of state and municipal authorities, the persistence of a paternalistic strategies, in collaboration with civil society, as well as asymmetrical model of dialogue between the state and civil society based on the tradition of the monologue, propaganda, manipulation of public opinion that sets the civil initiatives clearly specified “track”.

Keywords: public participation; social participation; civic participation; civil society; the diversity of practices of participation; social dialogue; trust; quality of government.

References

Alexander G. Power, Politics and the Civil Sphere. — *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2009. No. 10. P. 3-17. (In Russ.)

Alexander G. Robust Utopias and Civil Repairs. — *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2002. No. 10. P. 3-11. (In Russ.)

Brodie E., Cowling E., Nissen N., Paine A.E., Jochum V., Warburton D. 2009. Understanding participation. — *A Literature Review*. 2009. December. URL: <http://pathwaysthroughparticipation.org.uk/wp-content/uploads/2009/09/Pathways-literature-review-final-version.pdf> (accessed 22.09.2017).

Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture (Russ. ed.: Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo, kul'tura*. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. 2001. 608 p.)

Cooke B., Kothari U. The Case for Participation as Tyranny. — *Participation: the New Tyranny?* Ed. by B. Cooke, U. Kothari. London: Zed Books. 2001. P. 1-15.

Dalton R.J. Citizenship Norms and the Expansion of Political Participation. — *Political Studies*. 2008. Vol. 56. P. 76-98. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2007.00718.x>

Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii za 2010 god [Report on the State of Civil Society in the Russian Federation for 2010]. Moscow: Obshchestvennaya palata RF. 2010. 124 p. (In Russ.)

Domanov V.G. Grazhdanskoe souchastie [Civil Complicity]. — *Politologiya. Slovar'*. Pod red. V.N. Konovalova. [Politics. Dictionary. Ed. by V.N. Konovalov]. Moscow. 2010. (In Russ.)

Dridze T.M. Mestnoe naselenie kak sub"ekt sotsial'nogo uchastiya: problemy sotsial'no priemlemoi regional'noi politiki [The Local Population as a Subject of Social Participation: Problems of Socially Acceptable Regional Policy]. — *Prognoznoe sotsial'noe proektirovanie: teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie problemy* [Predictive Social Engineering: Theoretical and Methodological Issues]. Moscow: Nauka. 1994. P. 188-208. (In Russ.)

Evstifeev R.V. The Local Analytical Community as a Resource for the Development of Local Communities: the Case of the City of Vladimir. — *Novaya ekonomika i regional'naya nauka*. 2015. No. 1. P. 61-67. (In Russ.)

Fan I.B. Political Participation in Russia: Exception "Under the Guise of" Inclusion. — *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 2013. Vol. 13. No. 1. P. 67-82. (In Russ.)

Gaventa J. Towards Participatory Local Governance: Assessing the Transformative Possibilities. — *Participation: from Tyranny to Transformation*. Ed. by S. Hickey, G. Mohan. London: Zed Books. 2004. P. 25-41.

Gilchrist A. *The Well Connected Community: a Networking Approach to Community Development*. Bristol: Policy Press. 2004. 248 p.

Gradosel'skaya G.V., Petrenko E.S. Rossiiskoe grazhdanskoe obshchestvo: rekonstruktsiya po rezul'tatam krupnomasshtabnykh oprosov [Russian Civil Society: a Reconstruction of the Results of large-scale Surveys]. — *Grazhdanskoe obshchestvo sovremen-noi Rossii*. Otv. red. E.S. Petrenko [The Civil Society of Modern Russia. Ed. by E.S. Petrenko]. Moscow: Institute of Public opinion. 2008. P. 80-81. (In Russ.)

Hickey S., Mohan G. Relocating Participation Within a Radical Politics of Development. — *Development and Change*. 2005. Vol. 36. No. 2. P.237-262. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0012-155X.2005.00410.x>

Ho S., McLeod D. Social-Psychological Influences on Opinion Expression in Face-to-Face and Computer-Mediated Communication. — *Communication Research*. 2008. Vol. 35. No 2. P. 190-207. DOI: <https://doi.org/10.1177/0093650207313159>

Indicators of Civil Society Development in Russia: Results of 10 Years of Observation. — *Informatsionno-analiticheskiy Byulleten' o razvitiu grazhdanskogo obshchestva i nekommercheskogo sektora*. Tsentr issledovaniy grazhdanskogo obshchestva i nekommercheskogo sektora, *NRU HSE*. 2016. June. Vol. 1. No. 9. P. 6-11 (In Russ.)

Ingelhart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 1997. 464 p.

Kakabadze Sh.Sh., Zaytzev D.G., Zvyagina D.G., Karastelyov V.G. The Institution of Civil Participation: Checking Up by the Entities Activity. — *Polis. Political Studies*. 2011. No. 3. P. 88-108. (In Russ.) URL: <http://www.politstudies.ru/en/article/4420> (accessed 22.09.2017).

Kholm'skaya M.R. Political Participation as the Subject of Research (A Review of Russian Scientific Literature). — *Polis. Political Studies*. 1999. No. 5. P. 170-176. (In Russ.)

Kittilson M., Dalton R. Virtual Civil Society: The New Frontier of Social Capital? — *Political Behavior*. 2011. Vol. 33. No. 1. P. 625-644. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11109-010-9143-8>

Kolesnikov A., Volokov D. Samoorganizatsiya grazhdanskogo obshchestva v Moskve [Self-Organization of Civil Society in Moscow]. Moscow: Carnegie Moscow Center. 2016. URL: <http://carnegie.ru/2016/12/14/ru-pub-66437>

Kraut R. et al. Internet Paradox Revisited. — *Journal of Social Issues*. 2002. Vol. 58. No. 1. P. 49-74. DOI: <https://doi.org/10.1111/1540-4560.00248>

Macedo S. *Democracy at Risk: How Political Choices Undermine Citizen Participation, and What We Can Do About It*. Washington, DC: Brookings Institution Press. 2005. 240 p.

Milbrath L.W. *Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics?* Chicago: Rand McNally & Company. 1965. 195 p.

Newton K., Giebler H. *Patterns of Participation: Political and Social Participation in 22 nations*. Berlin. 2008. 45 p. (WZB. Discussion Paper; SP IV 2008-201).

Nikovskaya L.I. The Role of Civil Society in Shaping Social Identity and the Consolidation of the Russian Society: Institutional Aspect. — *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology.* 2017. No. 4. P. 28-39. (In Russ.)

Nikovskaya L.I., Yakimets V.N. Formation and Advocacy of the Public Interests in Russia: from “Administrative” to Partner Model. — *Polis. Political Studies.* 2015. No. 5. P. 49-63. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.05>

Nikovskaya L.I., Yakimets V.N. Institutional Development of Cross-Sectoral Partnership in Russia. — *Polis. Political Studies.* 2016. No. 5. P. 37-48. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.04>

Park R. Uchastie i sotsial'naya assimilatsiya [Participation and Social Assimilation]. — *Chikagskaya shkola sotsiologii: sb. perevodov* [The Chicago School of Sociology: a Collection of Translations]. Moscow: INION RAS. 2015. P. 52-59. (In Russ.)

Petrenko E.S., Galitskaya E.G., Galitskiy E.B. *Diagnostika grazhdanskogo klimata rossiyskikh regionov* [Diagnostics of the Civil Climate in Russian Regions]. Moscow: FOM. 2011. URL: <https://www.hse.ru/data/2011/04/11/1210529570/Петренко.pdf> (In Russ.)

Petukhov V.V. Civic Activism in Russia: Motivation, Values and Forms of Participation. — *Vlast'*. 2014. No. 9. P. 11-19. (In Russ.)

Petukhov V.V. Civil Society and Civic Participation. — *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal.* 2012. No. 1 (107). P. 23-26. (In Russ.) URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2012/107/2012_107_3_Petuhov.pdf (accessed 22.09.2017)

Pfetter S.A. Theoretical and Methodological Grounds of the Analysis of the Problem of Political Participation. — *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2013. Vol. 3. No. 55. P. 103-110.

Platt L. *Social Participation: How Does It Vary with Illness, Caring and Ethnic Group?* Colchester: Institute for Social and Economic Research, University of Essex. 2006. 87p. (ISER Working Paper; 2006-18).

Putnam R.D. The Strange Disappearance of Civic America. — *The American Prospect.* 1996. No. 24. URL: <http://prospect.org/article/strange-disappearance-civic-america> (accessed 12.09.2017).

Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaya. Pod red. M.K. Gorshkova, V.V. Petukhova [Russian Society and the Challenges of Time. Book 1. Ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov]. Moscow: Ves Mir Publishers. 2015. 336 p. (In Russ.)

Shabanova M.A. On a Social Mechanism Associated With Fostering Innovative Consumer Practices in Russia. — *The Sotsiologicheskie Issledovaniya.* 2016. No. 12. P. 14-22. (In Russ.) URL: <http://socs.isras.ru/en/article/6469> (accessed 04.10.2017).

Skalaban I.A. Social, Public and Civil Participation: the Problem of Conceptual Understanding and Misunderstanding. — *Bulletin of the Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 2011. No. 1. P. 130-139. (In Russ.) URL: http://journals.tsu.ru/philosophy/en/&journal_page=archive&id=518&article_id=25309 (accessed 04.10.2017).

Skalaban I.A. *Obshchestvennoe uchastie v sovremennoi Rossii: osobennosti sotsial'nogo konstruirovaniya* [Public Participation in Contemporary Russia: Peculiarities of Social Construction]. (In Russ.) URL: <https://conf.hse.ru/2017/program#N> (accessed 09.04.2017).

Theocharis Y., van Deth J.W. *Political Participation in a Changing World: Conceptual and Empirical Challenges in the Study of Citizen Engagement.* NY: Routledge. 2017. 140 p.

Turner B.S. The Erosion of Citizenship. — *British Journal of Sociology.* 2001. Vol. 52, No. 2. P. 189-209. DOI: <https://doi.org/10.1080/00071310120044944>

Uhlaner C.J. Political Participation, Rational Actors, and Rationality: A New Approach. — *Political Psychology.* 1986. Vol. 7. No. 3, P. 551-573.

van Deth J.W. *Studying Political Participation: Towards a Theory of Everything?* Paper at the Joint Sessions of Workshops of the European Consortium for Political Research, Grenoble. 2001. P. 6-11. URL: <https://www.researchgate.net/publication/258239977>

Verba S. Democratic Participation. — *Annals of the American Academy of Political and Social Science.* 1967. Vol. 373. No. 1. P. 53-78. DOI: <https://doi.org/10.1177/000271626737300103>

Verba S., Nie N. *Participation in America: Political Democracy and Social Equality.* New York: Harper and Row. 1972. 428 p.

Yagodka N.N. Civic Initiative as an Instrument of Dialogue between Government and Civil Society in Russia. — *RUDN Journal of Political Science.* 2015. No. 4. P. 118-130. (In Russ.) URL: <http://journals.rudn.ru/political-science/article/view/9159> (accessed 04.10.2017).

Yagodka N.N. The Role of Nonprofit Organizations and Civic Initiatives in the Preservation of Historical Memory about the Great Patriotic War. — *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika.* 2016. No. 1. P. 93-101. (In Russ.)

Yanitskii O.N. Public Activism in Russia: Yesterday and Today. — *Vlast'*. 2015. No. 2. P. 53-60. (In Russ.)